

ИЗМЕНЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ДУХОВНОСТЬ» В ФИЛОСОФСКО ЛИТЕРАТУРНОЙ МЫСЛИ XX ВЕКА

Состояние кризиса в мировоззрении, философской мысли и культуре в целом, характеризующее духовную атмосферу конца XX века, - явление, в первую очередь, связанное с целым рядом ощущений, восходящих к его началу, и более того, к рубежу XIX-XX веков. Подобная взаимосвязь не только прослеживается в некоторых тенденциях общекультурного характера, но и поддерживает самые разнообразные концепции, украсившие цивилизацию XX столетия. Во-первых, это апокалипсическое мироощущение, линейно связанное с идеями Ницше и его последователей о гибели богов и торжестве сверхчеловеческого в человеке, которые были настолько же привлекательны для жителя новой эпохи, сколь и разрушительны, что выяснилось в практике повседневной борьбы за существование. Далее, подобное разочарование в непоколебимости человеческого духа и отход на ранее апробированные пессимистические позиции тщетности житейской суеты почти напрямую иллюстрируют цикличность развития человечества (что можно возвести к наблюдению Шпенглера, например). Но важнее всего здесь, что состояние страха и всеобщей депрессии, отличающие собой времена, условно названные рубежом веков (19-20 веков), одновременно сопровождается и особой остротой переживания, и чувством причастности к новому ритму времени, и ярким хроническим переосмыслением отживших свое постулатов.

Важнейшей смысловой категорией человеческого бытия, вполне возможно имеющей первостепенное значение в подобном состоянии общества, является сложный комплекс чувств и ощущений, названный «духовностью». Кризис мировоззренческих опор оголяет самое уязвимое, то есть расплывчатые понятия, которые всем кажутся настолько привычными, что их смысл как бы общепринятый, утекает водой между пальцев, меняется или искажается до тех пор, пока какие-либо потрясения (например, кризис эпохального сознания) не заставляют столкнуться с неожиданным открытием: самые обычные и расхо-

жие истины означают не только не совсем то, что они знача-
но совсем даже не то. Подобная трансформация происходит со
многими отвлеченными понятиям, связанными с этикой, филосо-
фией, психологией, такими, как «свобода», «совесть», «исти-
на», «нравственность». Касается она и понятия «духовность».

«Духовность» - едва ли не основное понятие той
культуры, которая держится на христианстве и чьим зерном
является гуманизм.

Гуманистическая традиция, уходящая корнями к детству
человечества и оформившаяся как идейное движение в эпоху
Возрождения, прославляет ценность человеческой личности в
полноте ее всесторонней гармонии, считает человека причиной и
смыслом вселенского движения. Человек, согласно этой
традиции, священное начало всех деяний и конечная цель
совершенства мира. Духовность здесь - важнейшая составная
«естественной природы» человека, освещающая его помыслы и
наполняющая жизнь особым смыслом. «Очень древняя
традиция, возникшая на почве правдивейшего самоощущения
человека и воспринятая религиями, пророчествами и
сменяющимися друг друга гносеологиями Востока, авестой,
исламом, манихейством, гностицизмом и эллинизмом, связана с
образом первого или совершенного человека, древнееврейского
adam gadmon, его нужно представить себе юношей из чистого
света, созданным до начала мира, как символ и прототип
человечества; образ этот разные ученья и преданья варьируют,
но в самом существенном они совпадают.

...Получается, что душа, то есть прачеловеческое начало,
была, как и материя, одной из первооснов бытия и что она
обладала жизнью.

Задача духа в этом мире форм и смерти, возникшем
благодаря бракосочетанию души и материи, обрисована
совершенно ясно и четко. Миссия его состоит в том, чтобы
пробудить в душе, samozабвенно отдавшейся форме и смерти,
память о ее высоком происхождении...» (2, 53-54) Так
пространная цитата комментирует учение одного из наиболее
ярких мыслителей древности, стоявшего у начал
гуманистических традиций - Плотина.

Сходным образом духовность понималась и в
философии Аристотеля - как идеальное сознание, теоретическая
деятельность личности, иначе говоря, акт самосознания,
подвигающий личность на деятельность в сфере идеальной,
духовной - высшей форме деятельности человеческого существа.
Духовность освободила личность от невыносимых тягот

физического бытия, она давала вариант свободы настолько безграничной, насколько велик был созидательный дух человека и вера его в бессмертие.

При таком повороте понятно, почему растущие к концу XX века неприятие гуманистических идей и процесс, названный лидерами современной культуры «процессом дегуманизации искусства» (Х. Ортега-и-Гассет), задевают духовность как часть - и, может быть, основополагающую часть, всей концепции гуманизма.

Исходная позиция «духовности», объясняющая важность содержательного богатства значения этого слова, сливается с его религиозным, или точнее, библейским происхождением. Истинный смысл христианства - Бог, триединый, имеющий ипостась Бога-духа, уже этим фактом указывал на то, что опора человека - душа, вместилище духовности, «ибо не силою крепок человек» (1-я Книга Царств, 29). Еще более важным для верующего в царство Божие и справедливость учения Христа на земле по Библии считается так называемое «духовное рождение» или рождение свыше, когда в материальном теле, еще не освященном светом и Богом, пробуждается духовность: «Рождение от плоти есть плоть, а рождение от Духа есть дух» (Иоанн, 3:3). В сущности, человеческое существо, так мало значащее в христианстве как особь, индивидуальность, в общем смысле приобретало масштабность и значение, если в нем пробуждалось духовное начало. При этом значение Духа - как метафоры, символа и даже кода христианской идеи в целом - не только безгранично, но и вполне целенаправленно. Ответ Библии устами пророка Иоанна на вопрос «Что есть дух?» гласит: «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким рожденным от Духа.» (Иоанн, 3:8). Понимая это как одухотворенность, способность богаче и тоньше чувствовать и сопереживать, судить о мире и себе самом с позиции более высокой, чем просто необходимости удовлетворения физиологических потребностей, - понимая Дух как метафору широкого этико-философского содержания, легко сделать вывод, что духовность здесь - это понятие, включающее в себя, во-первых, элементы творческой энергии личности, а во-вторых - своего рода эталон, утопический идеал или то, что составляет последнюю точку опоры сопротивляемости человека под градом испытаний и бед - веру в лучшее и надежду.

Если духовное рождение (или «новое рождение» по версии пророка Иоанна) - необходимое требование для

человеческого существа, то ясно, что это не данное от природы качество, как бы полученное авансом; оно требует особых стараний, напряжения всех душевных сил, борьбы с искушением лени и зла; это условие, которое приведет к способности «видеть» и обрести Царство Духа на Земле. Значит, с одной стороны, это акт творческий, развивающий, с другой - требующий от личности воли и дисциплины, сознательной борьбы самого с собой за тот способ бытия, в котором Дух - ведущее начало. Заканчивая сложнейшую притчу Иоанна о «рождении свыше» словами «Бог есть дух» (Иоанн, 4:24), библейская версия жизненной философии призывает думающего и совестливого человека стремиться к соединению с духовным, к гармонии, свету и Богу - как присоединению к тому общему и значимому, что объединяет и поддерживает человеческое сообщество в его бесконечной преемственности. В таком смысле духовность - нерв жизни человека, конечная цель его саморазвития. Подобная светская трактовка идеи божественной одухотворенности человека в полной мере объясняет весь трагический смысл заявления Ницше, что «Бог умер».

Процесс дегуманизации общества как отражение переосмысления места человека в мироздании и его изменений в процессе самосовершенствования обязан Ницше очень многим. Когда речь заходит о кризисе, пережитом культурой на рубеже XIX и XX веков, Ницше неизбежно возникает в любом контексте - философском, литературном, психологическом. Напрямую антагонистом христианской концепции духовного смысла человеческого бытия Ницше назвать нельзя, хотя сам он себя таковым объявляет (например, в «Антихристианине») и христианство считает «сплошным великим проклятием, одной - единственной порчей, одним сплошным инстинктом мщенья... несмыслаемым позорным пятном на теле человечества» (4, 93). Однако многие опорные истины Ницше не сработали бы без прочной гуманистической традиции, в искажении которой он и упрекает христианство, предлагая переоценить все ценности и поступить «по - сегодняшнему», вопреки «фатальности» христианства. Сокрушительный удар, нанесенный Ницше по христианской морали и гуманистическому сознанию, задел и духовность как важнейшую составную этой идеологии.

...Слишком много нервной энергии - мы отрицаем то, что совершенство возможно, пока нечто осознается. «Чистый дух» - чистая глупость: если вычесть нервную систему, чувства, наконец, «смертную оболочку», мы просчитаемся - просчитаемся, да к только!» (4, 28-29)

Отношение духовности к чистому духу в системе учения Ницше - отношение производного к целому; раз целое подвергнуто осмеянию и недоверию, то и производное - это нечто сомнительное, свидетельство слабости и даже глупости, «следствие слишком долгого пребывания среди понятий, логических процедур, от чего понес ущерб личный инстинкт и выиграло все безличное.» (4, 34). Ницше указывает чрезмерную духовность как одну из двух (наряду с чрезмерной чувствительностью) причин депрессии, бороться с которой нужно обращением к природе и физиологическим укреплением организма, отрицанием любого перевозбуждения и утомленности духа. В таком контексте и возникает его панацея от потрясенности сознания - здоровый эгоизм как норма жизни сильной личности, эгоизм и духовная диета» в противовес страданию.

В каком - то смысле учение Ницше обладало рациональным зерном, однако как крайность против крайности религиозного фанатизма это учение переживало многие антитезисы в полемическом накале страстей. Духовное начало, подчиненное эгоизму и самосовершенствованию физического начала, получило удар не просто потому, что противостояло двум последним, не потому, что ослабляло «силу воли», а еще и потому, что именно с ним связана область человеческой жизни, именуемая то склонностью к мечте, то страстью к созиданию утопического идеала.

К сильным сторонам христианской традиции, господствующей в религиозном сознании вплоть до конца XIX столетия, относится идея о духовности как опоре человеческого сознания; недаром сила духа преодолевала слабость плоти, недаром умерщвление плоти и аскеза понимались как способ укрепления духовного могущества. Верующему Бог дарует Утешителя - «Дух истины, которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его» (Иоанн, 14:17), а дух этот - Утешитель и Ходатай, Хранитель не только поддерживает в страданиях и беде, но и помогает побеждать невежество и слабость в душе человека. Получается, что духовное начало, хранимое незримым Утешителем - это метафора, а не просто ограниченный религиозный постулат.

Духовность превращается в некий ориентир, направляющий развитие личности, укрепленный верой в помощь свыше и неизменную поддержку светоносного добра, некий состав этико-нравственных правил идеального и идеализированного характера, к которому должна стремиться личность. В таком понимании духовность сближается с понятием абстрактного

идеала, вечного стремления к несбыточному совершенству, в наиболее развернутой художественной версии отраженной в гетевском Фаусте. Правда, свидетелем движения Фауста в его жажде самосовершенства Гете вывел не Хранителя, а искусителя, однако же и о силе Духа самого Фауста объявлено с самых первых сцен трагедии в «Прологе на небесах», что носит далеко не случайный характер. Кстати, об утопической силе религиозной духовности с особым гневом писал Ницше как о вреднейшем самообмане.

Скорее всего, в учении Ницше по-своему отразилось «накопленное генетической памятью человечества разочарование, вызванное неосуществленностью прежних утопических проектов» (5, 187). Своеобразие подобного отражения состоит не только в опрокидывании всей предшествующей христианско-утопической концепции духовного идеала и противопоставлении идеалу прежнему шокирующих новых (например, эгоизма и опоры на силу как единственного доказательства правоты), но и отрицания духовности вообще как качества, ослабляющего концепцию Сверхчеловека.

Идеологически санкционированный эгоизм с легкой руки Ницше становится одной из излюбленных исходных точек нового сознания, формирующегося в XX веке и отрабатывающего свое кредо в художественной практике модернизма.

«Некогда дух был Богом, потом сделался человеком, теперь же - становится чернью» (3, 34) - в этой фразе Ницше, столь же афористичной, сколь и спорной, многозначной уместается пророчество немецкого философа, обозначившее путь, по которому пройдет искусство XX века, вернее та его ветвь, которую называют широким термином «модернизм». Поиск духа заменен в эстетике и поэтике модернизма поиском новых средств и способов самовыражения, отвечающих задачам новой эпохи: все средства хороши, лишь бы удалось довольно полно и адекватно отразить сугубо личностное (эгоистическое, либо субъективное, либо какое-нибудь еще небывалое) переживание.

Проблема определения понятийных границ модернизма - одна из самых спорных в теории литературы XX века. Критики по-разному трактуют модернизм, от «формалистического шабаша» до «круговорота в царстве духа». Общим местом является то, что постулировал в 20-е годы XX века один из лидеров модернизма Хосе Ортега-и-Гассет: «Мы вынуждены импровизировать новую форму связи, полностью отличную от обычной» (6, 514), «сломить человеческий аспект» реальности» (6, 514), создать искусство, дегуманизированное и не

содержащее «очеловеченных вещей».

Предметом модернизма становится уже не столько сам человек и мир, отраженный в его восприятии (и освещенный творческим прозрением духовности), сколько «шкала духовных расстояний между нами и действительностью» (6, 510). Духовное восприятие текста (читай: эмоциональное сопереживание, творческое соучастие в освоении текста) должно быть отделено от текста, вынесено за его скобки в поэтике модернизма. Духовность стала чем-то редким, неясным и даже опасным, так как это слишком хрупкое и, после проучений Ницше, слишком интимное качество, свидетельствующее о слабости человека. Значит, духовность должна быть глубоко запрятана, отделена от эстетической оценки действительности и ее выражения в тексте. «Реальность» то и дело устраивает засады художнику, мешая его бегству» (6, 515), — пишет Ортега-и-Гассет. — «Новое вдохновение»... (стремится к стилию). Стилизовать — значит деформировать реальное, дереализировать. Стилизация включает в себя дегуманизацию» (6, 517). И все же, при всей эпатажности и вызывающей дерзости модернизма, в первую очередь отражающего потрясенность человеческого сознания, брошенного в круговорот катастроф XX века, жажда внутренней целостности и ориентиров сквозит во многих, порой самых невероятных произведениях «формального шабаша».

Чтобы собрать воедино пляшущий мир модернизма, художник заранее как бы намекает на некую внутреннюю творческую одаренность личности, которая востребована новым искусством, силу, способную, если не синтезировать из фрагментарного мира модернизма подобие целостной катины, то хотя бы без потрясения согласиться (с позиции «извне») с хаосом и сумбуром реальности, сохраняя определенную духовную дистанцию, не угрожающую самой личности ни потрясением, ни распадом. «Человек очеловечивает мир, запитывает, насыщает его своей идеальной сущностью и, может быть, в какой-то день, один из немногих, этот ужасный внешний мир окажется настолько преисполнен человечности, что наши потомки будут бродить по нему, как мы сейчас бродим по ропинкам нашей души, может статься, что мир, не переставая быть таковым, превратится в некое подобие материализованной души, и, как в шекспировской «Буре», Ариэль, этот дух из мира Идей, будет управлять ветрами» (6, 238).

Может статься, что в этой фразе признанного апологета модернизма (от которой, впрочем, он сам поспешно

открестился) и содержится непреодолимая жажда духовного идеала вопреки всем проповедям дегуманизации искусства XX века. Таким образом, духовность как категория философская, и этическая, выйдя из-под контроля религиозного клише, имеет в современности немаловажное значение, вбирающее в себя широкий и все более развивающийся диапазон смыслов.

Литература

1. Библия.
2. Гарин И. Пророки и поэты. - Т. 1. - М., 1992.
3. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. - М., 1990.
4. Ницше Ф. Антихристианин // Сумерки богов. - М., 1989. - С. 17-93.
5. Затонский Д. Постмодернизм в историческом интерьере // Вопр. литерат. - 1996. - № 5-6. - С. 182-206.
6. Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы. - М., 1991.